

DOI 10.15393/j9.art.2015.3381

УДК 821.161.1.09-94

Екатерина Дмитриевна Гришкевич*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

katerina.grishkevich@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖИТИЯ КОРНИЛИЯ ВЫГОВСКОГО В РЕДАКЦИИ ТРИФОНА ПЕТРОВА*

Аннотация. К числу появившихся в XVIII веке агиографических произведений относится распространенное в старообрядческой среде Житие Корнилия Выговского. Сочинение известно в двух редакциях: первоначальной и литературно обработанной. Автором второй разновидности текста является уставщик Выго-Лексинского старообрядческого общежития Трифон Петров. Выявлению художественных особенностей его редакции и посвящена настоящая статья. Книжник внес значительные изменения в структуру жития, придав ей трехчастную форму. Основную часть — собственно историю жизни Корнилия — он разделил на главы, каждой из которых дал название. Кроме композиции произведения, Трифон Петров переработал его содержание. Некоторые эпизоды он исключил из фабулы и добавил ряд не существовавших ранее. Им были введены топосы, свойственные житиям преподобных, а также дополнения, нацеленные на создание образа святого. Важное место в редакции Трифона Петрова отведено Выговской пустыни. Именно в контексте ее истории изображается духовный путь Корнилия. Сам подвижник выступает в качестве связующего звена между первым поколением старообрядцев и выговцами. В его образе нашла воплощение идея преемственности, сопряженная с представлением о возложенной на общежитие особой миссии.

Ключевые слова: Житие Корнилия Выговского, Трифон Петров, Выго-Лексинское старообрядческое общежитие, выговская литературная школа, старообрядчество, агиография

В 1694 году в лесах Олонецкого уезда было основано Выго-Лексинское старообрядческое общежитие, сыгравшее важную роль в культурной и общественной жизни России XVIII—XIX веков. Трудно переоценить значение словесного творчества поморских книжников, которые создали целую литературную школу, воспитавшую не одно поколение талантливых авторов. Сочинения выговских писателей обладали большим авторитетом, их усердно переписывали

и в других согласиях, за счет чего они получили широкое распространение в старообрядческом мире. Одним из книжников, творчество которого оказало существенное влияние на развитие словесности на Выгу, является Трифон Петров (1670—1766). Его перу принадлежит внушительное число произведений, написанных в разных жанрах; среди них: гимнии на церковные праздники, надгробные слова в память усопших обитателей пустыни, догматические произведения и послания. Кроме этого, Трифон Петров известен в качестве создателя литературно обработанной редакции Жития Корнилия Выговского.

Автором первоначальной версии текста жития является ученик и келейник Корнилия Пахомий, хронологические рамки возникновения которой определил В. Г. Дружинин — 1723—1727 годы [5, 11].

Научная публикация пахомиевского сочинения была предпринята Д. Н. Брецинским, ему же принадлежит исследование, касающееся изучения соотношения выявленных им списков [2], [3]. Редакция Трифона Петрова появилась несколько позже: как свидетельствует текст жития, она увидела свет в 1731 году. Ее цель сформулировал сам автор — изложить написанную Пахомием историю «пространнее и благолепотнее» (л. 8 об.). Д. Н. Брецинскому были известны 31 список первой редакции и 19 — второй. Археографические разыскания Е. В. Маркасовой позволили дополнить перечень еще 23 списками, из которых 10 приходится на первую редакцию и 13 — на вторую [7, 4]. Исследовательница также обратила внимание на то, что списки редакции Трифона Петрова практически не дают разночтений, поскольку его текст функционировал как авторский.

Авторитетность Жития Корнилия Выговского доказывает не только большое количество дошедших до нас списков, но и факт использования памятника в качестве источника при составлении целого ряда широко известных, написанных старообрядцами сочинений разных жанров: Жития Кирилла Сунарецкого, Жития боярыни Морозовой, Жития Епифания, «Истории Выговской пустыни» и др. [1], [9].

Несмотря на свое значение в формировании агиографической традиции на Выгу, редакция Трифона Петрова еще не становилась предметом специального исследования, хотя ученые не обходили ее вниманием при решении тех или иных конкретных задач. Так, исследуя литературные связи Жития, Д. Н. Брецинский при сравнении его редакций, помимо переделки текста согласно риторическим нормам, отметил изменение Трифоном Петровым композиции произведения, придание ему «канонической трехчастной формы», исключение некоторых эпизодов и добавление характерного для житийного жанра отдела чудес, а также внесение поучительного элемента [1, 134].

Обе редакции истории о жизни Корнилия были использованы Е. В. Маркасовой в качестве материала для изучения лингвистических особенностей стиля писателей выговской литературной школы. Ей принадлежат интересные наблюдения, свидетельствующие о тщательной работе Трифона Петрова над синтаксическим уровнем текста, выполненной в соответствии с представлениями поморских книжников о грамматической норме «искусно» составленного произведения и отражающей стилистическую ориентацию на правила риторики [7].

Между тем до сих пор не освещенным остается вопрос о методах и принципах работы Трифона Петрова над фактическим материалом (именно так была, по сути, осмыслена «повесть» Пахомия) при создании новой версии Жития выгорецкого «первонасельника». Цель настоящей статьи — выделить некоторые, наиболее существенные, на наш взгляд, особенности редакции Жития, выполненной выговским писателем.

Историческая память и осознание преемственности по отношению к первому поколению старообрядцев составляли духовную основу Выго-Лексинского общежительства. Прославление их подвижнической деятельности было неотъемлемой частью творческой работы выговцев. К числу особо почитаемых борцов за древнее благочестие относился отец Корнилий. Его личность оказалась достойна внимания не только из-за того, что он был свидетелем и участником

страшных событий, вызванных церковной реформой, но и потому, что ему было суждено стать связующим звеном поколений: получив благословение от пустозерцев, сам он, являясь духовным отцом Даниила Викулина, Петра Прокопьева и Андрея Денисова, благословил их на строительство общежительства. Кроме двух редакций Жития старца на Выгу были составлены соборная служба в день его памяти — 30 марта и соборная панихида — 11 марта. В 80-е годы XVIII века Тимофей Андреев посвятил Корнилию похвальное слово, а Иван Антонов составил подвижнику службу [12, 443]. После смерти Корнилия над его могилой (и могилой инока Виталия) была воздвигнута часовня; вплоть до середины XIX века сохранялась келья старца, в которой в летний период постоянно звучали молебны и панихиды [11, 196—197]. Даже эти немногочисленные факты свидетельствуют о последовательном создании почитаемого образа старообразческого заступника, сыгравшего важную роль в истории Выговской пустыни. Первым серьезным шагом к этому стало появление редакции Жития Корнилия, выполненной Трифоном Петровым.

Как уже отмечалось, Трифон Петров совершенно изменил композицию Жития, составленного своим предшественником, придав ей трехчастную структуру. Основную часть — собственно историю жизни Корнилия — он разделил на главы, каждую из которых снабдил названием, отражающим ее содержание. Кроме того, книжник составил «описание главам», поместив его сразу же после предисловия. Рассмотрим подробнее каждую из частей Жития.

Сочинение открывает обширное вступление («предсловие»), которое знакомит слушателя (читателя) с главным героем произведения. В нем разъясняются цели создания жизнеописания Корнилия («Доблестей исчислити и по ряду расположити произволихъ и на свѣтъ показанія произнести устремихся дивное предивнѣишаго отца тщание»)¹; излагается причина, побудившая книжника к работе («...но обаче не о себѣ на сие произыти дерзаю, но от ученика онаго блаженнаго мужа, в кѣлии сожителствующа. Ему в животѣ приять в кратцѣ простою народною бесѣдою писанное и зѣлною

любовию и молением онаго ученика пространнѣе и благолѣпотнѣе изложити просивша по силѣ моеи...») (л. 8 об.), а также описываются ожидания автора относительно восприятия рассказанной им истории («И, созерцавше, <...> на любовь возбудитесь, и, хваляще боголюбивое священнаго трудника тщание, на подражание по силѣ возусердствуйте...») (л. 9). Присутствуют в предисловии и традиционные для житийной литературы самоуничижительные жалобы автора на свое «худогласие» и «грубое нѣмотование» (л. 8 об.).

Следует отметить, что риторическое учение, на основе которого выговские книжники создавали свои тексты, отводило значительную роль вступительной части [6], наделяя ее функцией зеркального отражения смыслового ядра произведения. Для сочинения агиографического жанра, целью которого является описание жизни святого, идея выражена в образе подвижника. Именно он, при всей своей типизированности и обобщенности, в каждом конкретном тексте имеет исключительно индивидуальные характеристики. С их введения и начинается свое произведение Трифон Петров:

Древо вамъ, благочестивии слушателие, показати хошу: древо высоко, благосѣбно и листовенно, древо красноцвѣтуще многоплодовитое. Финикъ вамъ явити намѣрень Давидовъ благоцвѣтушь, бѣлюющъ на горахъ Аермоньскихъ, привлекащъ зрящия на видѣние от сель Кидарскихъ. Кедръ вамъ извѣстити помыслихъ псалмистовъ ливанский преумноженныи, присѣняющии от зноя ко Иерусалиму грядущия от Вавилона. Столпъ вамъ предложити тщуся дыма, кадима в пустыни, Соломоновъ, мирасающии паче всея Аравии благовоениемъ (л. 8).

В качестве первых штрихов к портрету автор использовал традиционную для гимнографии и агиографии растительную символику, но при этом локализовал ее в одном периоде и окружил ветхозаветными ассоциациями. За, казалось бы, отвлеченными метафорами проглядывает вполне четкий образ мудрого праведника, способность которого привлекать и наставлять на путь истинный других, стремящихся от греха и лжи в землю обетованную, достойна восхваления.

Введение ветхозаветных мотивов призвано приобщить подвижника к священной истории, наделить его жизнь и подвиги высшим смыслом. При этом следует учитывать, что план символический неразрывно связан с конкретной исторической обстановкой, а значит, должен прочитываться и сквозь призму старообрядческой тематики, так что Вавилон, пустыня в Аравии, Ермон и Иерусалим оказываются одновременно и маркерами действительности: на одной стороне — грешный мир сторонников никонианской реформы, блуждающих в пустыне, на противоположной — благословенный старообрядческий мир. Такая же трактовка применима к цитате из Псалтири, завершающей период и выполняющей роль «тематического ключа», по терминологии Р. Пиккио [8, 437]: «Мужа блаженна, иже по Давиду: не ходи на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста, но в законѣ Господни воля его, и в законѣ Его учащагося день и ночь! И бывша яко древо, саждено при исходищихъ водѣ, еже плодъ свой даде во время свое, и листь его не отпаде; и вся, елика сотвори, преуспѣвша» (л. 8). Ходом всего повествования раскрывается идеал подвижника, сумевшего, несмотря на гонения и смертельную опасность, сохранить благочестие, отвергнуть «совет нечестивых», воспитать большое количество учеников и приютить под сенью истинной веры спасающихся от мира антихриста. Роль мудрого учителя и духовного наставника, великое дело которого было унаследовано, является краеугольным камнем образа Корнилия. В полном объеме она реализуется в основной части, посвященной жизнеописанию инока.

Историю о жизни Корнилия в редакции Трифона Петрова предваряет вступительная глава. Сам факт ее включения представляется нетипичным для агиографического повествования, еще менее традиционным оказывается ее содержание. Дело в том, что ядро первой главы составляет восхваление прославленной киновии — Выгореции, известной во всей России «не точию тожде подражателемъ благочестия древняго, но и самѣмъ диадимою цвѣтущим императоромъ всероссиискимъ слышати» (л. 11 об.). Упоминание императора выглядит крайне симптоматичным, если учитывать те

компромиссные отношения с властью, которые были выстроены выговцами при Петре I. Автор рассказывает о местоположении общежительства и целях его создания, о его устройстве: мужском и женском монастырях и системе скитов, где «храмы молитвенныя, в славу Божию чудно водружены, свѣтлѣются, и вседневыми службами сиятельству ютъ, и всенародными торжества украшаются...» (л. 12). Настоящий панегирик светлой стране, раскинувшейся в северных пределах среди диких лесов, сопровождается упоминанием руководителей общежительства Даниила Викулина, Андрея Денисова и Петра Прокопьева, а также «первоначальника», благословившего создание Выгореции — отца Корнилия. Таким образом, страница жизни Корнилия вплетена в книгу жизни пустыни, а значит, ее прославление — хвалебная песнь всей киновии. В этом контексте, как нам кажется, и интерпретировал духовный путь героя Трифон Петров.

Пахомий, составляя биографию своего духовного отца, стремился зафиксировать факты, услышанные им из уст самого Корнилия. Его повествование подробно, реалистично и хронологически последовательно. Лишь в ряде случаев в изложение вклиниваются вставные эпизоды, несколько нарушающие стройность фабулы, некоторые из них сохраняют форму первого лица, т. е. в текст они вошли в том виде, в котором были записаны за рассказчиком. Движущей силой сюжета у Пахомия является мотив странствия Корнилия: переходя с места на место, он знакомится со множеством лиц, становится свидетелем и участником разнообразных событий. Но если в первой части Жития его перемещения добровольны и продиктованы собственным желанием обрести необходимый духовный опыт, то во второй половине — они оказываются вынужденными, поскольку, вступив в ряды противников реформы Никона, Корнилий обрек себя на преследования. Напряженность повествования обеспечивает развитие темы противостояния старообрядцев и приверженцев «церковных новин», текст в этих местах начинает пестрить именами и бытовыми деталями, описаниями мученических смертей и грозных пророчеств, погружая читателя

в атмосферу страха и ожидания апокалипсиса. Сюжетная увлекательность некоторых эпизодов (встреча с разбойниками, ночлег в доме вдовы, драка в церкви и др.) сближает сочинение Пахомия с севернорусскими житиями, особенности которых были описаны Л. А. Дмитриевым [4]. Точкой соприкосновения с ними в определенном смысле является и образ Корнилия — очень живой и колоритный. Элементы чудесного занимают скромное место в его биографии. Перед нами благочестивый праведник, усилием воли достигший духовной мудрости, вопреки гонениям оставшийся верным своим религиозным убеждениям, пронизательный учитель и многоопытный наставник, чьи поступки достойны памяти и подражания. Но, прежде всего, он — исторически живая личность с интересной судьбой. В тексте Пахомия содержится незначительное количество топосов², свойственных житиям преподобных. В этой связи следует заметить, что и сам автор определил жанр своего творения как повесть, озаглавив его «Повесть душеполезна о житии и жизни преподобного отца нашего Корнилия, иже на Выге реце». Совершенно иной подход к созданию образа и описанию его жизненного пути избрал Трифон Петров, в задачи которого входило составление *жития святого*. За основу он взял событийный ряд пахомиевского сочинения, но при этом внес коррективы, отвечающие собственному художественному замыслу.

Во-первых, книжник исключил из фабулы ряд эпизодов, отвлекающих от главного героя и основной сюжетной линии. Так, в его редакцию не вошли видение Симеона о змие в царских палатах, вставной рассказ о Гурии Хрипунове, фрагмент о каргопольских прениях и мартиролог пострадавших на Русском Севере, история о гибели под копытами коня гонителя Филофея и описание совета старообрядцев в Москве, а также откровенно повествовательные эпизоды о встречах Корнилия с разбойниками и одинокой вдовой. Устранению подверглись многочисленные подробности, касающиеся церковных догматов и перечисления лиц, с которыми странствующего инока сводила судьба.

Во-вторых, Трифон Петров внес разнообразные дополнения в описание жизни Корнилия. Некоторые из них касаются введения в текст литературных формул, свойственных агиографическому канону. Так, рассказ о детстве будущего подвижника он распространил информацией о благочестивых родителях, особом смирении отрока, выразившемся в уклонении от детских игр и веселья, о его незаурядных способностях, вызывавших удивление «дидаскалов». Особое внимание автор сконцентрировал на осознанном выборе будущим подвижником своего пути: потеряв отца и мать, Конон (таково мирское имя Корнилия) рассуждает о смерти и небесной каре, которая постигнет грешников, и приходит к выводу: «...лучше ми будетъ добръ житие в маловременнѣмъ семь мирѣ пожити да егда яко челоувѣкъ скончаюся, негли всеблагии Богъ Своимъ челоувѣколюбиемъ исполнит моя недостаточная и сотворитъ мя причастника Своего Царствия» (л. 13 об.). Отрешение монахов от мирского Конон воспринимает как возможность обрести ангелоподобное существование. Вообще, топос *imitatio angeli* появляется в тексте довольно часто и оказывается неотъемлемым элементом характеристики иноческой жизни. При принятии пострига, как и положено в житиях преподобных³, говорится о том, что Корнилий «по отятии власовъ не точию волю свою отсѣче, но всякое плотское мудрование до конца отверже» (л. 18). Еще один введенный топос касается особого восприятия благочестивого инока всеми окружающими. И хотя герой прямо не уподобляется ангелу, но сравнение легко прочитывается: «...вси убо Корнилия яко священіе нѣкое во обители вмѣняху...» (л. 18 об.).

Другая группа дополнений работает на создание характера героя и объяснение его поступков в определенном ключе. Ярким примером такого рода вставок служит эпизод, описывающий драку монахов Ниловой пустыни с никонианами. Интересно, что Трифон Петров не просто не исключил его из повествования, но и сделал его более динамичным и насыщенным деталями. Отчаянное противостояние демонстрирует решительность и бесстрашие Корнилия, именно поэтому его отсутствие обеднило бы образ. В этом остро-

сюжетном фрагменте автор уподобляет героя Финеесу — ветхозаветному священнику, убившему копьем смущавшего народ израильтянина. Данная деталь узаконивает поступок инока, а также расширяет семантику всей ситуации.

Как знаток человеческих душ Корнилий предстает в истории о духовном исцелении Пахомия, которого терзали дурные помыслы. В ее основу, очевидно, лег рассказ о случившемся ученика и биографа старца. Идея избранничества Корнилия пронизывает торжественно звучащий панегирик, открывающий главу о преставлении преподобного. Наконец, святость Корнилия явным образом проявляет себя в финальной главе, повествующей о сотворенном им посмертном чуде. И вновь в качестве героя фигурирует Пахомий; прельстившись мирской жизнью, он решил покинуть общежительство. После шести лет странствий с ним приключилась тяжелая болезнь, заставившая его покаяться в своих грехах. Когда измученный рыданиями больной уснул, ему привиделся во сне Корнилий. Старец приказал отступнику вернуться в пустынь, если он не хочет, чтобы его постигла страшная казнь за презрение иноческого обета. Наутро Пахомий проснулся здоровым и, возрадовавшись заступничеству своего учителя, вернулся на Выг. Таким образом, заключительная глава объединила в себе идею святости Корнилия и назидательный элемент, который без труда здесь угадывается.

Третье, крайне важное положение, отражающее характер внесенных Трифоном Петровым изменений, касается выговской линии, заявленной еще в первой главе. На первый план в биографии Корнилия у автора второй редакции Жития выходит роль старца в строительстве Выго-Лексинского общежительства и формировании его духовных ценностей. Трифон не упустил ни одной подробности, имеющей отношение к пустыни, сохранил он и имена лиц, которые хоть как-то были связаны с ней, и расширил информацию о тех, кто оставил след в ее истории. В его версии рождение идеи о создании общежительства у Даниила Викулина произошло в разговорах с отцом Корнилием. Именно он благословил будущего киноарха на строительство пустыни,

которая бы объединила последователей древнего благочестия. Взяв благословение у старца, Даниил положил основание обители у Кривого озера, но после пожара вместе с собравшейся братией переселился на Выг, где их силами были выстроены келии и часовня. Постепенно число поселенцев росло, Корнилий часто посещал расширявшееся общежительство, давал советы и принимал участие в создании устава. Непосредственное отношение к пустыни имели и пророчества блаженного. Одно из них касалось голода, который, действительно, в связи с неурожаем обрушился на поморскую страну в 1695 году. Предрек Корнилий последовавшее в 1715 или 1716 году очередное искушение «в пищи и в прочихъ потребахъ велию скудость» (л. 47). Содержатся в Житии и предсказания относительно будущего общежительства: за посланными свыше несчастьями, по словам блаженного, наступят благополучные времена, полные изобилия, но пустынножители будут обложены данью; погибнет же обитель «от самочиния, и самоволия, и непристойных обычаевъ» (л. 47). К моменту написания Жития (30-е годы — период процветания киновии) несбывшимся оставалось последнее пророчество, упразднить которое просит в своей обращенной к Богу молитве искренне встревоженный автор. Когда старцу настал срок умирать, последние его наставления и прощальные слова были обращены к выговцам, пришедшим проститься со своим учителем.

Финальной точкой Жития инока Корнилия служит «молебное надсловие», в котором выражена просьба о заступничестве.

Итак, подведем итоги. В настоящем исследовании мы сделали попытку доказать, что переработка Жития Корнилия Выговского Трифоном Петровым не сводилась только к созданию риторически украшенного текста и формальному изменению его архитектоники. Выговский книжник полностью переосмыслил материал, представленный в «повести» Пахомия. Основываясь на фактах биографии подвижника, он расставил в ней свои акценты и создал совершенно особый тип святого. Введенные им свойственные житиям преподобных топоры и композиционные схемы, во-первых,

были необходимы ему в качестве узнаваемых маркеров святости; во-вторых, посредством канона неканонизированный святой оказывался в сонме древнерусских преподобных; в-третьих, таким образом достигалась авторитетность текста. С другой стороны, Трифон Петров не стал деформировать факты жизни героя, подгоняя их под нужный формат. Живой и колоритной предстает фигура и самого инок. В «Винограде Российском» Симеон Денисов прославил староверов, принявших мученическую смерть за «древнее благочестие». Трифон же Петров в своем сочинении воспел подвижника, который не боролся, а уклонялся от зла, не жертвовал жизнью, а всячески пытался ее сохранить. Но делал он это не из страха. Его целью было сохранить истинную веру и распространить ее, укрепить в сердцах будущих поколений. Корнилий выполнил свою миссию, ему удалось обрести множество учеников, а его духовные дети продолжили дело старца, создав оплот «древлего благочестия» — Выговскую поморскую пустынь. Идея преемственности поколений староверов и осознание особого предназначения выговцев пронизывают Житие инок Корнилия.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности IX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ Жития инок Корнилия // БАН. Собрание В. Г. Дружинина, № 1108. Л. 8 об. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках. Передача текста осуществляется по правилам, принятым для академической «Библиотеки литературы Древней Руси». Знаки препинания расставлены по современным правилам.

² В толковании термина «топос» мы следуем за Т. Р. Руди, которая понимает его «как обобщающее, родовое понятие, включающее в себя все те терминологические варианты, которые использовались в науке для обозначения родственных явлений до него: “типические черты”, “общие места”, клише, повторяющиеся мотивы, устойчивые (трафаретные) литературные формулы и т. д.» [10, 432].

³ Анализу топосов житий преподобных посвящена статья Т. Р. Руди «О композиции и топике житий преподобных»: [10].

Список литературы

1. Бреждинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1977. — Т. 33. — С. 127—141.
2. Бреждинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1983. — Т. 37. — С. 269—285.
3. Бреждинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции: тексты // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского дома: сб. науч. тр. — Л.: Наука, 1985. — С. 62—107.
4. Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1972. — Т. 27. — С. 181—202.
5. Дружинин В. Г. О Житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием // Журнал Министерства народного просвещения. — 1884. — Т. 235. — С. 1—15.
6. Маркасова Е. В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII — начала XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 51. — С. 243—252.
7. Маркасова Е. В. Стилистические традиции выговской литературной школы в 20—30 годах XVIII в. (на материале Жития Корнилия Выговского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1994. — 18 с.
8. Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык. — М.: Знак, 2003. — 720 с.
9. Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1974. — Т. 29. — С. 154—169.
10. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — Т. 57. — С. 431—500.
11. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. — М.: Языки славянских культур, 2002. — Т. 1. — 544 с.
12. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общецельства: в 2 т. — М.: Языки славянских культур, 2008. — Т. 2. — 568 с.

Ekaterina D. Grishkevich

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
katerina.grishkevich@gmail.com*

ABOUT SOME FEATURES OF “THE LIFE OF CORNELIUS OF THE VYG” AS REWORDED BY TRYPHON PETROV

Abstract. Among the hagiographic works appeared in the 18th century there is a widely-spread “Life of Cornelius of the Vyg” in the Old Believers’ environment. The writing is known in two versions: the original and the literary processed one. The author of the second version is a senior choir singer of the Vyg, Old Believer coenoby Tryphon Petrov. The subject of this article is detection of the artistic peculiarities of his text. The writer made significant alterations to the structure of the text, giving it a three-part format. The main part that is the actual history of the life of Cornelius is divided into chapters, each of which has its name. Along with the text’s structure Tryphon Petrov revised the content of the text too. He eliminated some episodes from the plot and added a number of those non-existing before. Moreover, he introduced topos inherent of the lives of monks and wrote additions aimed at creating the image of the saint. An important part in the work of Tryphon Petrov is assigned to the Vyg community. Cornelius’s spiritual path is represented in the context of its history. Cornelius himself acts as a mediator between the first generation of Old Believers and the residents of the Vyg community. In his image there is embodied the idea of continuity associated with the idea of a special mission entrusted to the community.

Keywords: “The Life of Cornelius of the Vyg”, Tryphon Petrov, the Vyg community, Old Believers, hagiography, the Vyg literary school, Old Belief

References

1. Breshchinskiy D. N. Zhitie Korniliya Vygovskogo kak literaturnyy pamyatnik i ego literaturnye svyazi na Vygu [The Life of Cornelius of the Vyg as a literary monument and its literary relations in the Vyg]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 33, pp. 127—141.
2. Breshchinskiy D. N. Zhitie Korniliya Vygovskogo Pahomievskey redaktsii [The Life of Cornelius of the Vyg by Pahomiy]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 37, pp. 269—285.
3. Breshchinskiy D. N. Zhitie Korniliya Vygovskogo Pahomievskey redaktsii: teksty [The Life of Cornelius of the Vyg by Pahomiy: the texts].

- Drevnerusskaya knizhnost': po materialam Pushkinskogo doma: Sbornik nauchnykh trudov* [Old Russian literature: based on the materials of the Pushkin House]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 62—107.
4. Dmitriev L. A. Zhanr severnorusskikh zhitii [The genre of North-Russian Lives]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 27, pp. 181—202.
 5. Druzhinin V. G. O Zhitii Korniliya Vygopustynskogo, napisannom Pahomiem [About the Life of Cornelius of the Vyg written by Pahomiy]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of Ministry of Public Enlightenment], 1884, vol. 235, pp. 1—15.
 6. Markasova E. V. Predislovie k Zhitiyu Korniliya Vygovskogo i traditsiya sozdaniya predisloviy agiografii XVII — nachala XVIII v. [The Foreword to the Life of Cornelius of the Vyg and tradition of writing forewords in hagiography of the 17th beginning of the 18th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1999, vol. 51, pp. 243—252.
 7. Markasova E. V. *Stilisticheskie traditsii vygovskoy literaturnoy shkoly v 20-30 godakh XVIII v. (na materiale Zhitiya Korniliya Vygovskogo). Avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk* [Stylistic traditions of the literary school of the Vyg in the 1720s—1730s (based on “The Life of Cornelius of the Vyg”). Ph.D. philol. sci. diss. abstract]. Saint-Petersburg, 1994. 18 p.
 8. Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and the language]. Moscow, Znak Publ., 2003. 720 p.
 9. Ponyrko N. V. Kirillo-Epifanievskiy zhitiyny tsikl i zhitiynaya traditsiya v vygovskoy staroobryadcheskoy literature [Kirillo-Epifanievskij hagiographic cycle and hagiographic tradition in Old Believer literature of the Vyg]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 29, pp. 154—169.
 10. Rudi T. R. O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh [About the topos and composition of the Lives of the Reverends]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, vol. 57, pp. 431—500.
 11. Yukhimenko E. M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura* [The Vyg Old Believer community: spiritual life and literature]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002, vol. 1. 544 p.

12. Yukhimenko E. M. *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva. V 2 tomakh* [*The Vyg Old Believer community's heritage. In 2 volumes*]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, vol. 2. 568 p.

Дата поступления в редакцию: 30.07.2015